

Гмызина Эльвира Викторовна

канд. культурологии, доцент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный
гуманитарный университет»
г. Киров, Кировская область

ЦВЕТ В ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

***Аннотация:** статья посвящена осмыслению роли цвета в культурной картине мира русского средневековья, в ней на основе комплексного лингвокультурологического подхода исследуются этнокультурные особенности семантики вербальных цветообозначений. Автором рассматриваются социально-культурные факторы, способствовавшие расширению колористического тезауруса средневековой Руси.*

***Ключевые слова:** вербальные цветообозначения, языковая картина мира, культурная картина мира, смыслы русской культуры, ценности русской культуры, средневековая культура.*

Многие культурологические исследования начинаются с парадокса, с обнаружения несовпадений между реальностью и нашим представлением о ней. Когда речь заходит о восприятии цвета в культуре средневековой Руси и его отражении в языке, неожиданности подстерегают на каждом шагу. Так, слово «красный», являющееся сегодня широкоупотребительным цветообозначением, в средневековых текстах служило знаком всего «доброго», «пригожего», «достойного», «красивого», но вплоть до начала XVII века цветообозначением не являлось. Категория «красного цвета» издревле была наиболее разработанной в русском языке. Для выражения оттенков этого цвета использовалось три группы слов: 1) рдяный, рудой; 2) червлёный, черлёный, червчатый, чермный, червонный; 3) багряный, багровый. Слова первой группы обозначали огненно-рыжие оттенки; вторая группа применялась к более темным оттенкам, а слова третьей –

служили для оттенков цвета, сходных с пурпурным, в которые чаще всего окрашивались ткани [1, с. 35]. Со временем же именно слово «красный» стало выполнять функцию основного термина этой категории, оттеснив иные слова на периферию языкового сознания. Принимая во внимание вышесказанное, можно утверждать, что «колористическая номенклатура средневековой Руси существенно отличалась от современной» [3, с. 243].

Чтобы представить культурную картину мира средневековой Руси необходимо восстановить представления о жизни и ценностях того времени. Историки обычно ограничиваются «внешним» описанием средневековой культуры, однако «нельзя понять устройство и функционирование социального мира, абстрагируясь от многослойного мыслительного универсума» [2, с. 5]. Язык формирует понятия и организует восприятие в целостную картину мира, именно в словообразовании, с присущей ему антропоцентричностью, этнокультурная специфика проявляется наиболее ярко. Естественный язык становится универсальным средством конструирования концептов «языка культуры».

Цвет принадлежит к числу онтологических характеристик бытия. Освоение человеком феномена цвета началось еще в архаическую эпоху. Оно выражалось в применении все более широкой гаммы природных красок в различных сферах человеческой деятельности, а также в возникновении и закреплении слов, являющихся цветообозначениями в языке. Средневековая культура, как и современная, развивалась в языковой оболочке, поэтому использование лингвистических данных в известном смысле может помочь в реконструкции культурных фактов и духовных ценностей средневекового человека. Разнородный на первый взгляд лексический материал при субстратном подходе дает возможность проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир.

Применительно к раннему периоду в истории Руси ещё нельзя говорить о рефлексивных навыках абстрактного мышления, а скорее о синкретичной идее

«видения-понимания», где «видеть» этимологически связано с «ведать» = «понимать». Поэтому важнейшими категориями бытия становятся свет, делающий очевидными очертания вещей и цвет как их существенный признак.

По данным лингвистов, цветообозначения имелись в языке не только на общеславянской стадии, но и раньше. Характерной чертой древних культур в их отношении к цвету можно считать сопряжение цвета и света. Большинство древних обозначений, связанных с цветом, обращены не столько к «собственно цвету», сколько к цвету как форме и модальности света и его противоположности темноте. В текстах древнерусской культуры наблюдается отчетливый перевес в употреблении «светоносных» цветов: *белого, красного, золотого (желтого)*, тогда как *синий, зеленый, коричневый* употребляются редко.

Чувство цвета связано не только со способностью видеть цвета, но и с умением их воспроизводить. В древности красителей было мало, они имели, как правило, органическое происхождение. Таким образом, колористическое видение воспитывалось естественной гаммой природных цветов. Вероятно, оно было более острым и чутким, чем у современного человека. В древности язык отмечал не только оттенок цвета, но и характер его происхождения: природный или рукотворный. Например, в древнерусском языке имелось более всего наименований для обозначения красного цвета и его оттенков. Основными в этом ряду следует считать *червлёный, чермный* и *багряный*. При этом слово *чермный* использовалось для обозначения природной краски. Прилагательное *червлёный* называло цвет предметов, окрашенных человеком. *Багряный* имело неограниченную сферу сочетаемости, но использовалось преимущественно в сфере книжного стиля.

Ранние цветообозначения, входившие в культурный обиход древних русичей сохраняли прочную связь с архетипическими, мифо-ритуальными представлениями, они включали мифологическую основу как активный моделирующий механизм, определяющий взаимосвязь компонентов в таких системах как «человек – природа» и «человек – социум». Изучение фольклорных и этнографиче-

ских текстов позволяет выявить «цветовой код» русской традиционной культуры, основу которого составляют *белый, черный, красный, желтый (золотой), зеленый, синий и коричневый* цвета. Цветообозначения, входящие в состав устойчивых формул народной поэзии, активно употреблявшиеся в фольклорных и литературных текстах, стали национально-окрашенными символами, в образной форме запечатлевшими основы национального мировосприятия и миропонимания, нравственно-эстетические представления древней Руси.

Утверждение христианства не вытеснило исконных представлений, но привело к тому, что ассоциативно-синестезическая семантика цветов, сложившаяся ещё в языческий период, наполнилась новым религиозно-философским смыслом. Специфика средневекового типа культуры выражалась в противопоставлении культурных ценностей, где ведущая роль принадлежала религиозному началу, а бытовое, повседневное было вытеснено на периферию культурного сознания. Чтобы обладать ценностью, цвет должен был быть знаком чего-то более значительного, чем он сам, а потому круг цветообозначений в текстах русской средневековой культуры невелик. Чаще всего встречаются три цвета – *белый, красный и черный*, которые стали выражением сакральных основ бытия.

Отношение к цвету служит важным показателем контактов Руси с другими культурами. В частности, заметное влияние на русскую культуру оказывали степные кочевники. Познакомившись с бытом и природой восточных соседей, русские стали более точно, чем прежде определять цвета шерсти, тканей, камней. Восточное происхождение имели такие цветообозначения, как *бурый, карий, чалый, чубарый, алый, игрневый, мухортовый*.

На излете средневековья, когда начал меняться тип жизни, можно наблюдать необычайный всплеск интереса к многоцветью окружающего мира. В XVII столетии русская культура начала утрачивать способность выражать в цветовой форме глубинные основы бытия. Когда ощущение этой утраты стало культурной реальностью, возникла тенденция к её компенсации, которая выразилась в рафинированном, преувеличенно-обостренном чувстве цвета, в поиске изыс-

канных цветовых сочетаний. В литературный обиход входят новые наименования цветов, связанные с конкретными предметными носителями: *брусничный, васильковый, вишневый, гвоздичный, жемчужный, изумрудный, имбирный, красивый, кирпичный, малиновый, сливный, смородинный, песчаный, сахарный* и т. д.

Если в начале XVII века в книжной традиции цветообозначений встречается не более двадцати пяти, то к концу века их число приближается к ста. В литературные тексты этого времени начинает проникать разговорная лексика, именно это существенно обогащает словарь цветообозначений. В живом разговорном языке средневековой Руси во все века цветообозначений было больше, чем запечатлелось в письменных текстах. Они отражали многообразие цветовой палитры природы, но до поры не были востребованы в силу ограничений, которые брал на себя письменный язык как язык сакральный.

Таким образом, осмысление роли цвета в языковой и культурной картине мира Руси существенно обогащает наше представление о своеобразии русской культуры в мировом сообществе и позволяет уточнить особенности её генезиса.

Список литературы

1. Василевич А.П. Цвет и его названия в русском языке / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко; под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
3. Данилевский Н.И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М.: Аспект Пресс, 1998. – 399 с.